

УДК 94(571) «16/18» + 39(571)

DOI 10.24411/1026-8804-2020-10054

Русские документальные источники 20-х гг. XVII в. о Забайкалье и Приамурье

Александр Ананьевич Бродников,

доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института, научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, Новосибирск.

E-mail: dora_179@ngs.ru

Некоторые из документальных источников XVII в., касающиеся выхода отрядов русских служилых людей к Енисею и начала их продвижения по Ангаре, содержат сведения об отдалённых и ещё неизвестных территориях, лежавших где-то далеко на востоке и обладавших большими богатствами. Полученная от аборигенного населения такого рода информация вызывала у воевод и служилых людей особый интерес, так как при достоверности этих сведений обещала и тем и другим отличиться на государственной службе и извлечь свою выгоду. Другие сведения, поступающие от местного населения, вызвали у русской администрации тревогу и заставляли её также уточнять дошедшие слухи о возможной опасности. В настоящей статье рассматривается полученная в Енисейске и в Красноярске и зафиксированная в документальных источниках 20-х гг. XVII в. информация, побудившая сибирскую администрацию и московские власти уточнить её, а также использовать в последующем. В первом случае речь идёт о полученном от енисейских остяков и подтверждённом приангарскими тунгусами сообщении о большой реке на востоке, где имеются месторождения серебра, что подтолкнуло сибирскую администрацию и московское правительство к организации экспедиции Я. Хрипунова для поиска этой реки. Во втором случае поступившая от кочевых групп информация о каком-то «неведомом царе», который «воюет» монгольские государства и собирается «воевать» Китайское царство, вызвала обеспокоенность русской администрации и заставила её собирать дополнительные сведения для организации защиты от возможного набега этого царя. Документальные источники свидетельствуют, что вся эта информация, представлявшая собой искажённые или ошибочные слухи, расхаживавшие по тайге или степи, активизировала продвижение отрядов русских служилых людей на восток и в конечном итоге привела к довольно быстрому их проникновению в Забайкалье и на Амур.

Ключевые слова: служилые люди, Восточная Сибирь, походы.

**Russian Documents about the Transbaikal and Amur Regions
in the Twenties of the Seventeenth Century.****Aleksandr Brodnikov**, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: dora_179@ngs.ru.

Some 17th-century documentary sources, relating to the movement of troops of Russian service class men to the Yenisei and their advance along the Angara River, contain the data about remote and unknown rich territories located far away in the East. Governors of provinces and service class men were interested in such information received from indigenous peoples because it helped to succeed in public service and gain profit. Other details from local population caused anxiety among Russian authorities, and they had to check rumors about possible danger. The paper describes the data found in the documents from the twenties of the seventeenth century and collected in Yeniseysk and Krasnoyarsk that was clarified and later used by Siberian and Moscow authorities. Firstly, the Yenisei Ostyaks and then the Angara Tungus people informed about a large river with silver deposits in the East. Hence, Siberian authorities and the Moscow government organized the expedition led by Ya. Khripunov in order to find this river. Secondly, the nomadic tribes found out about “an unknown king” who was “fighting” with the Mongol states and planned “to fight” with the Chinese Kingdom. Russian authorities got anxious and started to collect additional facts to provide protection from the king’s invasion. The documentary sources prove that all this information, which turned out to be distorted or erroneous rumors spread through the taiga and the steppe, activated the expansion of the troops of Russian service class men to the East and finally to the Transbaikal and Amur regions.

Keywords: service class men, East Siberia, campaigns.

После образования Енисейского уезда и основания острога в 1619 г., когда территория Русского государства расширилась до Енисея, а отряды ясачных сборщиков начали продвигаться вверх по Ангаре, служилые люди стали получать от местного населения сведения о ранее неизвестных русским землям, лежащих где-то на востоке. Сведения эти, как правило, были лишь слухами, передававшимися от одной родовой группы аборигенного населения другой, но они вызвали пристальный интерес у тобольских воевод и стимулировали продвижение отрядов служилых людей всё дальше и дальше на восток (о расселении народов Сибири см. рис. 1).

Первая такая информация поступила к основателям Енисейского острога пелымскому сыну боярскому Петру Албычеву и тобольскому стрелецкому сотнику Черкасу Рукину ещё в 1619 г. Прибывший во вновь построенный острог остяцкий князец Илтик, возглавлявший Кипанскую волость, располагавшуюся на левом берегу Енисея у устья Ангары (или, как её называли в XVII в., Тунгуски, реке — Верхней Тунгуски), сообщил

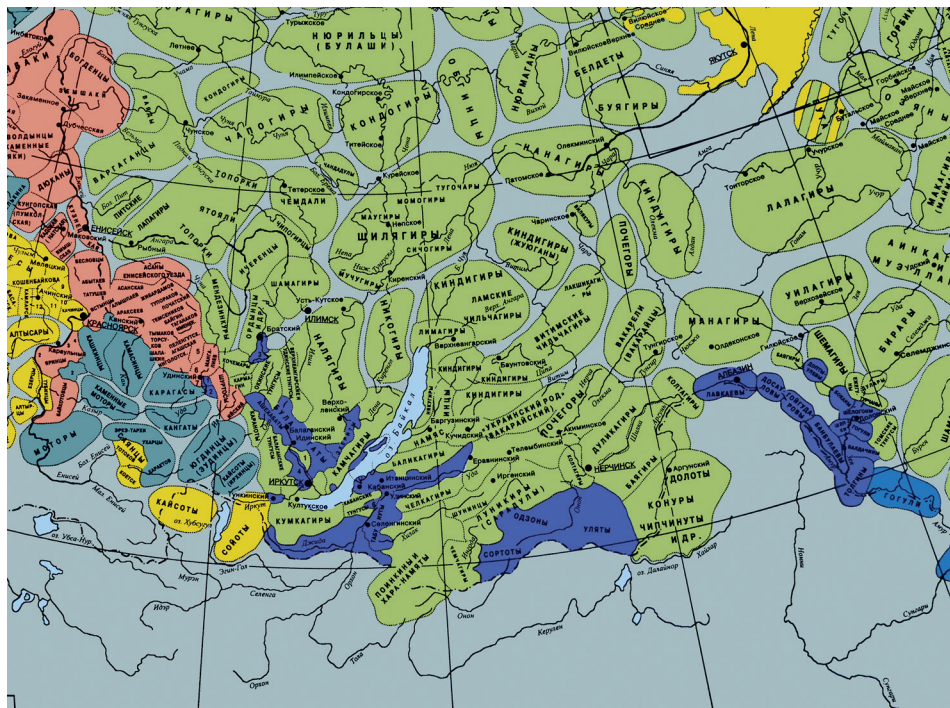

Рис. 1. Карта распространения этнических групп, расселения племён и родов народов Сибири в XVII в. Сост. Б.О. Долгих [8, Т. III]

о том, что где-то за волоком, до которого по Ангаре надо подниматься две недели, находится большая река. Г.Ф. Миллер считал Кипанскую волость тунгусской, а князца Илтика — первым тунгусом, подчинившимся русским со своим родом [8, с. 54]. Однако Б.О. Долгих весьма убедительно, на наш взгляд, обосновал принадлежность кипанцев к енисейским осяткам (кетам), считая сведения Миллера ошибкой, закраившейся в источник 1617 г. [4, с. 185]. Илтик дал некоторые совсем краткие сведения об этой реке и о ходивших по ней судах, «...что де та река великая, а имени он той реке, как её и по которому языку зовут, не знает, а ходят де тою рекою суды большие, и колокола де на них великие есть, и звон де они слышат часто, и из пушек де с тех больших судов стреляют» [СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. № 22. Л. 1—2; 8, с. 53; 9, стб. 373—376].

По всей видимости, этот рассказ князца Илтика был не чем иным, как дошедшим до енисейских остяков слухом о далёком Амуре и ходивших по ним китайских судах. Узнать об этом остяки Кипанской волости могли двумя путями: от приангарских тунгусов и от кочевников Южной Сибири. По мнению Б.О. Долгих, родовая группа Илтика находилась в родственных отношениях с асанами [4, с. 185], проживавшими на Нижней Ангаре и по её левым притокам, и поддерживала с ними регулярные связи. При этом если асаны представляли собой остатки древнего населения этой территории, то тунгусы пришли на Нижнюю и Среднюю Ангару сравнительно

недавно [3, с. 120—130; 5, с. 128; 6, с. 103]. К началу XVII в. районы проживания асанов были окружены тунгусами, что привело к их ассимиляции последними [4, с. 204—206]. Остяки же Кипанской волости, которая к 1628 г. перестаёт упоминаться в ясачных книгах Енисейского уезда по причине её слияния с соседней Кузнецкой волостью [4, с. 186], были ещё вне этого процесса. Но остяки левобережья Среднего Енисея до появления Енисейского острога постоянно подвергались набегам со стороны нижнеангарских тунгусов [2, с. 27—29]. Не случайно в апреле 1626 г. они приняли участие в большом походе енисейских служилых людей против тунгусского князья Тасея, а Илтик, являясь толмачом, играл в этом походе важную роль и оказался единственным остяком, упомянутым по имени в документах об этих событиях [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 11. Л. 65; 4, с. 186].

От кочевников Южной Сибири слухи о далёкой реке могли дойти до остяков Илтика через аринцев, также родственных им и проживавших в районе будущего Красноярска, в «Тюлькиной земле» в окружении тюркских групп. Основание считать их родственными группами дают сведения о том, что в годы, предшествовавшие основанию Енисейского острога, в случаях нападений на них тунгусов, остяки Илтика «бегали» в «Тюлькину землю». В мае 1626 г. этот самый Илтик со своими людьми и соседними остяками Кузнецкой волости «изменили» государю и бежали к аринцам, на этот раз от русской администрации, прихватив с собой пять крестьянских лошадей [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 95; 4, с. 186].

Поскольку родовые группы тунгусов проживали на всём пространстве Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря и от Забайкалья и Амура до низовьев Лены, то распространение определённых сведений и слухов об Амуре среди сибирских народов представляется вполне закономерным. Учитывая невероятную мобильность тунгусов, их способность быстро передвигаться по тайге на десятки и сотни километров, эти сведения могли переноситься на большие расстояния в течение сравнительно короткого промежутка времени — даже за нескольких месяцев.

Но не следует забывать и о проблеме точности перевода поступавших к русской администрации сведений: толмачей в сибирских острогах, в том числе и в Енисейском, всегда не хватало. Со временем представители аборигенной верхушки начинали немного говорить по-русски. И некоторые служилые люди, имея при сборе пушнины непосредственный контакт с ясачным населением, вскоре тоже стали понимать язык местных народов. Но одно дело вести разговор об обмене пушнины на товары, выяснять путь по тайге или реке к соседним родовым группам — для этого иногда хватало общения даже при помощи жестов, в крайнем случае можно было взять с собой проводника — «вожа»; и совсем другое дело разобраться с помощью ограниченного словарного запаса в том, что происходит где-то на отдалённой территории и каково расстояние до этой далёкой «земли».

Возможно, по причине такой путаницы, возникшей из-за неточности перевода, из-за искажения информации, передаваемой тунгусами

от одной родовой группы другой, русские стали пытаться искать эту «великую» реку где-то поблизости. Очень вероятно, что эти сведения и сыграли определённую роль на начальном этапе продвижения отрядов енисейских служилых людей вверх по Ангаре. Во всяком случае, ещё в декабре 1619 г. енисейскому приказчику тобольскому сыну боярскому Максиму Трубчанинову от тобольского же воеводы князя Ивана Семёновича Куракина была отправлена память со ссылкой на рассказ Илтика, согласно которой енисейской администрации следовало сосредоточить внимание на продвижении служилых людей вверх по Ангаре, а князца Илтика «и иных ясачных людей Кипанской земли», щедро накормя и напоя, одарив «государевым жалованьем», привлечь для этих походов в качестве «вожжей», проводников [СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. № 22. Л. 1—2; 8, с. 292—293; 9, стб. 373—376].

В итоге, занимаясь поиском неизвестной «великой» реки, енисейские служилые люди всего лишь за несколько лет смогли подняться по Ангаре до устья Илима. Полученные от остяков слухи о реке, по которой ходят суда с колокольным звоном и стрельбой из пушек, не подтвердились, но появились сведения о пути на другую большую реку — Лену. Хотя даже устье Илима оказалось гораздо дальше от Енисея, чем первоначально разыскиваемая «великая» река.

Вскоре возникла ещё одна подобная ситуация: первый енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов получил от нижнеангарских тунгусов «сведения» о месторождении серебра где-то за Ангарой. Приходившие в 1625 г. в острог с ясаком тунгусские князцы и «лучшие мужики» говорили ему, «что родитца в Аплинской и в Шаманской землицах в горах серебро». Воевода предпринял меры для уточнения этих важных для Русского государства сведений. Как он позднее рассказывал в Москве в приказе Казанского дворца (его рассказ был изложен в грамоте к тобольскому воеводе князю Андрею Андреевичу Хованскому, а затем воспроизведён в отписке в Москву следующего тобольского воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 180—206]), «он де, Яков, по скаске тех ясачных людей и князцов в прошлом во 133-м годе (1624—1625 г.) послал в Аплинскую и в Шаманскую землицы Енисейского острогу пятидесятника стрелецково Терешку Савина, да стрелцов Савку Иванова, Казаринка Ильина, да в толмачех тотарина Розгилдейка Сеитова, а велел им... в тех землицах проведати про серебро, в которых местах серебро родитца и каково серебро» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 183—184].

Расспрошенные в Енисейске тунгусы говорили, что какие-то князцы Окунь и Келтя, в «землице» которых есть серебро, живут вверх по Ангаре у серебряной горы, но не на самой Ангаре, а «на малой речке», на которую с Ангары поворачивают влево. «...А ходу де до тех князцов и до горы серебряной вверх по реке Тунгуске судами своею силою недель пять или шесть, а парусным подгоем и менши, а нартами ходят зимним путем тож, что и летним путем. А лесом до тех князцев приходу нет, потому что залег камень большой», — сообщал Я. Хрипунов. Ясак с тех князцов ещё никто

не брал, так как вверх по Ангаре енисейские служилые люди ходят большими судами «в кочех», а к тем князьям пройти можно по малой реке, но только на малых судах, «мелкими гребными струги» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 184—185].

Отправленные Хрипуновым Т. Савин «с товарищи» вернулись в Енисейский острог осенью 1625 г., когда воеводой там был уже Андрей Леонтьевич Ошанин. Их сведения отличались от первоначальных: Т. Савин рассказал, «что родитца вверх по Тунгуске реке серебро — идет из горы, а у той горы живет князец Окунь, а людей с ним живет много, а ходу из Енисейского острогу до князца Окуня и до горы, с которые серебро идет, водяным путем *болии году*» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 183]. То есть месторождение серебра находилось гораздо дальше от Енисейска, чем говорили нижеангарские тунгусы. Сами посланцы Я. Хрипунова до месторождения серебра не добрались и довольствовались полученными от тамошних тунгусов (вероятно — илимских) сведениями. Однако Т. Савин не только сообщил уточнённые данные о расстоянии до месторождения серебра, но и привёз А. Ошанину его образец: «два кружечка невелики... да нагруднички тунгуские мелкие» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 183].

А. Ошанин отправил полученные образцы в Приказ Казанского дворца к боярину князю Дмитрию Майстрюковичу Черкасскому [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 182—183]. В Приказе расспросили прибывшего к тому времени в Москву Я. Хрипунова, который подтвердил ранее полученные им сведения, добавив, что князцы Окунь и Келтя и их люди из той горы серебро понемногу сами «переплавливают» и носят на нагрудниках и меняют на товары тунгусам, проживающим в других «землицах», но к той серебряной горе их, тунгусов других родовых групп, «не пускают» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 185]. Хрипунов дал в Приказе рекомендации, как и какими силами следует совершать поход для поиска этого серебра: «...А толко к тем князцом к серебряной горе послати служилых людей и толмача, которых он, Яков, посылал наперед сево, Терешку Савина с товарищи трех человек для тово, что им служилым людем тот ход ведом, а служилых людей к той серебряной горе доведетца послати с вогненным боем сто пятьдесят человек в легких стругах» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 185]. Уточняя информацию о возможном месторождении серебра, в Приказе расспрашивали также оказавшихся в Москве енисейских служилых людей, прибывших туда с пушниной или с документацией. Их сведения в целом совпадали с тем, что говорил Я. Хрипунов.

На основании, казалось бы, подлинных сведений о серебряной руде где-то за ангарскими порогами, Москва приказала организовать в те места экспедицию. Такое решение принималось на высшем уровне: князь Д.М. Черкасский с дьяками И. Болотниковым и И. Грязевым сделали доклад царю Михаилу Фёдоровичу. Он содержал не только предложения по организации и проведению экспедиции на Ангару, но и расчёты ожидаемого успеха. Михаил Фёдорович отнёсся к инициативе руководства Приказа благожелательно, а в качестве руководителя экспедиции указал

«к князям Окуню и Кельте для сыску серебряных гор послати Якова Хрипунова». 18 января 1627 г. был подготовлен царский указ об экспедиции в верховья Ангары с конкретными указаниями по её подготовке и проведению [7, с. 135].

Но задачи экспедиции не ограничивались только поиском месторождения серебра. От назначенного воеводы Хрипунова требовалось в новой «землице» поставить острог и оценить её хозяйственные возможности: пригодность земель для пашни, возможность рыбной ловли, определить состояние прочих угодий. Если в окрестностях нового острога будут обнаружены другие месторождения серебра, то следовало поставить и там небольшие острожки. Необходимо также было разобраться с ясачными возможностями новой «землицы». И, конечно, Хрипунову следовало дать чёткое описание пути к ней и предложения о численности нового гарнизона. По существу речь шла о строительстве важного укрепленного пункта, который мог превратиться в новый административный центр с сетью подчинённых ему острожков, позволяющих администрации контролировать внушительную территорию, и иметь потенциал к её дальнейшему расширению.

Однако в результате «серебряной» экспедиции воеводы Я. Хрипунова осенью 1629 г. выяснилось, что попадавшее к тунгусам Приангарья серебро добывалось где-то далеко на востоке. К этому времени его «полк» смог пройти только до Братских порогов и, пограбив местное тунгусское и бурятское население, остановился на зимовку в устье Илима. После смерти Хрипунова в феврале 1630 г. продолжение экспедиции стало невозможным, и её участники в мае вернулись в Енисейск. На наш взгляд, полученные енисейскими служилыми людьми сведения о месторождении серебра являлись передававшимися по тайге тунгусами слухами о серебряных рудниках Забайкалья, где позднее были построены Нерчинские заводы.

В марте 1629 г. ходившие к енисейским кыргызам красноярские служилые люди принесли тревожные слухи: незадолго до этого побывавший у Алтын-хана кыргызский князец Ишей видел у него посланцев далёкого неизвестного царя, от которого те шли 20 дней. Ишей смог выяснить, что царь этот пришёл «из-за Китайского царства стороны ... и воюет де китайского царя, и города емлет, и называетца де неверным царям всем царь, а называют ево Дучюн кан, а его де имени не знаем». Этот неизвестный царь уже завоевал обширные территории на востоке: «Лабинское царство взял, а желтых мугалов взял, и иные де города и улусы поимал». Красноярского воеводу Андрея Дубенского, видимо, озадачило то, что этот неизвестный царь имел сведения о русском царе и располагал сильной и победоносной армией: «...а бой де у него огнянной, и лучной, и копейной, и всякой, и люди де у него всякие; а города, которые не может взять приступом, и он топит водою; а царства, которые емлет, и он де царей и князей казнит и их детей, а черных людей оставляет в царствах, а служилых людей с собою емлет» [8, с. 411].

По мнению Н.П. Шастиной, таким образом красноярские казаки получили у кыргызов сведения, относящиеся к действиям южно-монгольского Лигдан-хана (который в русских документальных источниках встречается также под именем Дучюн-кан, Дечен-кан, чахарский Дючин-хан, Дючина-царь, Дючин-хан, Чахар-кан) против маньчжуров. Но есть в научной литературе и другая точка зрения: сведения касались вторжения Лигдан-хана в пределы империи Мин в 1628 г. [11, с. 32—33].

А. Дубенский поспешил сообщить эти вести в Тобольск. Но реакция властей почему-то была медленной: только 30 ноября 1631 г. из Томска по государеву указу было отправлено к Алтын-хану посольство из 7 человек во главе с сыном боярским Казыем Карякиным. Цель посольства — собрать подлинные сведения об этом хане [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 74. Л. 390—402; 10, с. 385]. Однако Алтын-хан, предоставив К. Карякину сведения о Лигдан-хане, не пропустил его дальше, ссылаясь на то, что находится с Чахар-ханом «в не дружбе» и опасается в его земле за жизнь русских послов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 74. Л. 393].

Между тем осенью 1629 г. новый красноярский воевода Архип Акинфов получил от вернувшихся из Моторской (Маторской) «землицы» ясачных сборщиков похожие сведения: где-то далеко на востоке «идёт царь неведомый», который «воюет» монгольские государства и собирается «воевать» Китайское царство. Воевода передал эту информацию в Тобольск. А уже 11 марта 1630 г. из Москвы в Томск была отправлена царская грамота с требованием разузнать у других сибирских народов об этом «неведомом царе»: как далеко он находится от русских городов, какое у него войско по численности и владеет ли «огненным боем». Организацией сбора этих сведений пришлось заниматься енисейскому воеводе князю Семёну Ивановичу Шаховскому: Енисейский уезд входил в состав недавно образованного Томского разряда, и Шаховской находился в подчинении у томского воеводы князя П.И. Пронского, который и поручил ему проверить поступившую информацию.

В конце 1630 г. Шаховской писал томскому воеводе о выполнении поручения. В енисейской съезжей избе он расспросил служилых людей из отряда Хрипунова, побывавших в «Братах» (территория проживания бурят, выше Братских порогов); красноярских казаков, приезжавших в Енисейский острог по разным делам; енисейских стрельцов, побывавших под Братскими порогами и на Лене. Но выяснить об этом царе ничего не удалось. Воевода Шаховской сообщал в Томск: «Они мне в роспросе сказали, что они ни в которой земле ни в ясачных волостях про того неведомово царя нигде ни слыхали и приходу его ни на которые государства и на уезды не бывало и не слыхали про то ни от каких иноземцов» [СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. № 22. Л. 31—32].

Очень вероятно, что в Москве, сопоставив оба полученных из Красноярска в 1629 г. тревожных известия и получив из Енисейского острога информацию, что жители таёжных районов о «неведомом царе» ничего

не знают, пришли к выводу, что в обоих случаях речь идёт о монгольских междоусобицах. Отсюда, видимо, и такая неторопливость с отправкой посольства к Алтын-хану, осуществлённая только в конце 1631 г. Хотя стремление узнать «подлинные» сведения о встревожившем русскую сибирскую администрацию сильным правителе были налицо.

Все эти поступавшие в Енисейский острог искажённые сведения о каких-то далёких землях и реках, как бы то ни было, будоражили интерес к ним у служилых людей, профессионально искавших пути в «новые землицы». Поэтому вполне закономерным следует считать поход М. Перфирьева по Витиму, совершённый в 1639—1640 гг., в результате которого были собраны сведения о р. Шилке и обитавших там народах [1, с. 40—44]. Известный енисейский землепроходец не только исследовал пути на Шилку и Амур, но дал описание всего Амура и живущих там народов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 75. Л. 635—636]. Эта информация заинтересовала первых якутских воевод-стольников П.П. Головина и М.Б. Глебова, с которыми М. Перфирьев пересёкся на Средней Ангаре, возвращаясь из своего похода. Результатом этой заинтересованности стали походы на Амур их подчинённых — письменных голов Е. Бахтиярова и В. Пояркова.

Таким образом, выход русских на Енисей привёл к получению сведений о неизвестных ранее землях и народах, находившихся далеко на востоке. Первые известия о них были отрывочными, и не всегда у енисейской воеводской администрации и у служилых людей имелась возможность их уточнить, что было связано с проблемой общения с местным населением и большой отдалённостью этих территорий. Но эти поначалу фрагментарные сведения довольно быстро накапливались и пробуждали дальнейший интерес к поиску путей в ранее неизвестные «новые землицы».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бродников А.А. Витимский поход Максима Перфирьева 1639 года и первые попытки проникновения русских на Амур // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 1. История. Новосибирск, 2011. С. 40—44.
2. Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. 382 с.
3. Василевич Г.М. Некоторые вопросы проблемы этногенеза тунгусов // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 120—130.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 608 с.
5. Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск этнических истоков эвенков и новые предположения // Сибирь. Древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 117—145.
6. Карцов В. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935. 196 с.
7. Манькова И.Л. Экспедиция Я. Хрипунова 1627—1630 гг.: первый опыт геолого-разведок в Восточной Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 131—157.

8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000. 796 с.; Т. III. М., 2005. 598 с.
9. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). СПб., 1875. Т. II. 1228 стб. + X.
10. Шастина Н.П. Алтын ханы Западной Монголии в XVII веке // Советское востоковедение. М.; Л., 1949. Т. VI. С. 383—395.
11. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. 182 с.
12. РГАДА (Рос. гос. арх. древних актов).
13. СПбф АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук).

REFERENCES

1. Brodnikov A.A. Vitimskiy pokhod Maksima Perfir'yeva 1639 goda i pervye popytki proniknoveniya russkikh na Amur [Maxim Perfir'yev's Vitim Campaign of 1639 and First Russian Attempts to Penetrate the Amur]. *Vestnik NGU*, series "Istoriya, filologiya", vol. 10, iss. 1, Istoriya. Novosibirsk, 2011, pp. 40—44. (In Russ.)
2. Brodnikov A.A. *Yeniseysk i Yeniseyskiy uyezd (oчерki iz istorii XVII veka)* [Yeniseisk and the Yeniseisk District (Essays on the History of the Seventeenth Century)]. Novosibirsk, 2019, 382 p. (In Russ.)
3. Vasilevich G.M. Nekotorye voprosy problemy etnogeneza tungusov [Some Aspects of the Problem of the Ethnogenesis of the Tungus]. *Proishozhdenie aborigenov Sibiri* [The Origin of the Indigenous Peoples of Siberia]. Tomsk, 1969, pp. 120—130. (In Russ.)
4. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The Family and the Tribal Structure of the Peoples of Siberia in the Seventeenth Century]. Moscow, 1960, 608 p. (In Russ.)
5. Yermolova N.V. Vozvrashchayas' k tungusskoy probleme: poisk etnicheskikh istokov evenkov i novye predpolozheniya [Getting back to the Tungus Issue: The Search of the Ethnic Origins of the Evenks and New Assumptions] *Sibir'. Drevniye etnosy i ikh kul'tury* [Siberia. Ancient Ethnic Groups and Their Cultures]. Saint Petersburg, 1996, pp. 117—145. (In Russ.)
6. Kartsov V. *Narody Sibiri. Oчерki proshlogo* [The Peoples of Siberia. Essays of the Past]. Moscow, 1935, 196 p. (In Russ.)
7. Man'kova I.L. Ekspeditsiya Ya. Khripunova 1627—1630 gg.: pervyy opyt geologorazvedok v Vostochnoy Sibiri [Y. Khripunov's Expedition in 1627—1630: The First Experience of Geological Exploration in Eastern Siberia]. *Problemy istorii Rossii*. Vyp. 4: Yevraziyskoye pogranich'e [Problems of the History of Russia. Iss. 4: Eurasian Borderzone]. Yekaterinburg, 2001, pp. 131—157. (In Russ.)
8. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Vol. II. Moscow, 2000, 796 p. Vol. III. Moscow, 2005, 598 p. (In Russ.)
9. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavayemaya Arkheograficheskoyu kommissieyu (RIB)* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, 1875, vol. II, 1228 stb. + X. (In Russ.)
10. Shastina N.P. Altyn khany Zapadnoy Mongolii v XVII veke [The Altan Khans of Western Mongolia in the Seventeenth Century]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. VI, pp. 383—395. (In Russ.)
11. Shastina N.P. *Russko-mongol'skie posol'skie otnosheniya XVII veka* [Russian-Mongolian Embassy Relations of the Seventeenth Century]. Moscow, 1958, 182 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 02.12.2019